

— Сяо Чжоу?

— Сяо Чжоу?

— Сяо Чжоу...

Где-то вдалеке глухо звучал голос Линь Ишаня. Линь Чжоу припустил ещё быстрее. В этот раз он умудрился подбросить отцу в чай таракана, и теперь разгневанный Линь Ишань гнался за ним с деревянной скалкой в руках.

Линь Чжоу бежал изо всех сил, как вдруг сонная явь поплыла, и он очутился на крыше высотки посреди глухой ночи. Пошатываясь, с бутылкой в руке, он горланил песни и упорно лез на парапет, чтобы полюбоваться ночным городом. Вдруг чья-то крепкая рука рванула его назад, и низкий голос произнёс:

— Линь Чжоу, слезай оттуда.

Линь Чжоу рассмеялся и обернулся. Лицо стоявшего перед ним человека тонуло в тумане. Он протянул руку, пытаясь разогнать эту дымку, но незнакомец внезапно разжал пальцы. Линь Чжоу перевалился через край и полетел вниз, в бездну.

— А-а-а!.. Мама, спаси!..

Линь Чжоу резко дёрнул ногой и рывком сел на постели, тяжело, со свистом хватая ртом воздух.

— Сяо Чжоу? — раздался знакомый ласковый голос.

Линь Чжоу никак не мог прийти в себя после кошмара. Он поднял взгляд: перед ним с тревожными лицами стояли Линь Ишань и Чжоу Цин.

— Пап... — Он приоткрыл рот, но не смог выдать ни звука.

Что за чертовщина?

Линь Чжоу откашлялся и попробовал снова — тщетно. В горле саднило, пересохло так, словно его забило глиной.

— Лежи, лежи, — Чжоу Цин взяла со столика стакан тёплой воды и поднесла к его губам. — У тебя сильный жар. На, выпей сначала.

Только сейчас Линь Чжоу почувствовал, как горит всё тело, а по спине бежит ледяной озноб.

Он перехватил стакан из рук матери и осушил его в несколько глотков. Снова тихонько кашлянул и попытался заговорить — наружу вырвался лишь сиплый, скрипучий скрежет, похожий на визг пилы по дереву.

— Похоже на временную потерю голоса, — раздался голос со стороны.

Линь Чжоу только сейчас заметил, что в спальне есть кто-то ещё. Это был тот самый врач, который осматривал его пару дней назад.

При виде гостя Линь Чжоу вздрогнул и испуганно вжался в изголовье кровати.

«Мать твою, это ещё что у тебя в руках?!»

Заметив его ошарашенный взгляд, доктор невольно усмехнулся:

— Это жаропонижающее. Надо сделать укол, чтобы сбить температуру.

Он достал из саквояжа ампулу, ловко надколол верхушку и, набирая лекарство в шприц, заворчал:

— Пару дней назад ведь шёл на поправку. С чего вдруг такое обострение? Небось таблетки вовремя не пил? Или перенервничал из-за чего? Доигрался, вон, даже говорить не можешь...

Линь Чжоу доктора не слушал. Всё его внимание было приковано к огромному, зловеще поблёскивающему шприцу.

— Всё хорошо, не бойся. В ягодичу совсем не больно, там мышца плотная. Один лёгкий укол — и всё пройдёт. Будь умницей, — принялся уговаривать врач, заметив его панический ужас.

Линь Чжоу мысленно крыл его трёхэтажным матом.

«Какая ещё ягодича?! Кого ты лечишь, старый пройдоха?!»

Как это укол может быть не больным?! В чём провинилась его задница? То, что на ней есть мягкие ткани — преступление, заслуживающее такой пытки?!

В конце концов, ему уже двадцать семь лет! По меркам поколения нулевых он вообще глубокий старик! И сейчас его заставят стянуть штаны и подставить зад под иглу?!

Да ни за что на свете!

Линь Чжоу яростно замотал головой, давая понять, что никакого укола не будет.

— Сяо Чжоу, ну надо, — вздохнула Чжоу Цин.

Она прекрасно знала своего сына. Линь Чжоу до дрожи боялся уколов. При любой лёгкой простуде он вымаливал таблетки, но в этот раз болезнь затянулась. С температурой под тридцать девять и пропавшим голосом шутки были плохи.

Линь Ишань разделял эти опасения. Не собираясь устраивать долгие уговоры, он решительно шагнул к кровати, намереваясь применить силу.

Линь Чжоу, сообразив, к чему всё идёт, тут же вцепился в руку матери и умоляюще затряс её, ища защиты.

Чжоу Цин с жалостью погладила сына по пылающей щеке, но в этот раз проявила твёрдость:

— Потерпи, хороший мой. Так надо.

— Всё ты его жалеешь! — проворчал Линь Ишань, теряя терпение. — Разбаловала парня, живого места от капризов нет. Один раз ремня всыпать — и вся дурь пройдёт!

Увидев, что отец засучивает рукава, Линь Чжоу растерял остатки благоразумия. Он перемахнул через кровать, спрыгнул на пол и прямо босиком выскочил из комнаты, устремившись вниз по лестнице.

Голова немилосердно кружилась от жара. Добежав до первого этажа, он вцепился в перила, тяжело дыша и пытаясь унять бешеный стук сердца. В горле после этой пробежки вспыхнул сухой, раздирающий огонь.

Он собрался было прошмыгнуть на кухню за водой, но стоило ему поднять голову, как он застыл на месте. Гостиная была полна людей. И все они в этот момент дружно уставились на него.

Линь Чжоу резко затормозил. Растерянно обведя взглядом комнату, он замер, наткнувшись глазами на высокую, статную фигуру у панорамного окна.

Мужчина тоже смотрел прямо на него.

Этот холодный, безупречный профиль, резкие, словно высеченные из камня черты лица... Где

он их видел? А шрам длиной в полпальца у левого виска развеял последние сомнения.

Линь Чжоу зажмурился, досчитал до трёх и снова открыл глаза.

«Твою же дивизию...»

В голове пронёсся целый ураган из отборных ругательств.

Это был Цзян Шиянь. Собственной персоной.

Что этот гад забыл у него дома?!

Цзян Шиянь скользнул взглядом по его босым ногам, задержался на неестественно алых от лихорадки щеках и слегка нахмурился.

Линь Чжоу судорожно сглотнул. Может, он просто не с той ноги встал и всё это сон?

Он снова перевёл взгляд на диваны. К своему ужасу, он знал каждого из присутствующих.

Вот сидит отец Цзян Шияня, Цзян Цунжун. Линь Чжоу никогда не общался с ним лично, но лицо этого человека, известного на весь город А бизнесмена, регулярно мелькало в новостях. Как и на экране телевизора, сейчас его суровое лицо не выражало ровным счётом никаких эмоций.

Рядом сидела мягкая, элегантная женщина, которая смотрела на Линь Чжоу с непередаваемой нежностью и теплотой. Мать Цзян Шияня, Ду Жо.

С ней Линь Чжоу как раз был знаком. Родители Цзян Шияня вечно пропадали на работе, поэтому в школьные годы тот чаще всего был предоставлен сам себе. Но когда Ду Жо тяжело заболела и попала в больницу, Шиянь дневал и ночевал у её постели. Линь Чжоу тогда все две недели таскался за другом в палату и помогал ухаживать за его матерью.

Прошло столько лет, а Ду Жо почти не изменилась — всё такая же молодая и утончённая.

На соседнем диване устроился директор Чэнь.

Внешне Линь Чжоу оставался невозмутимым, но внутри у него всё буквально перевернулось. Семья Цзян в полном составе и директор приюта?

Что это значит?

Неужели в роддоме перепутали именно его и Цзян Шияня?!

Да ладно. Это уже какой-то безумный фарс!

— Чжоучжоу? — Ду Жо заметила его замешательство, порывисто поднялась с места и взволнованно сжала ладони. — Родной, с тобой всё хорошо?

Линь Чжоу опомнился. Он попытался вежливо ответить, но связки подвели, и ему пришлось лишь молча покачать головой.

— Ах ты паршивец! А ну стоять! — раздался с лестницы громовой рык Линь Ишаня.

Линь Чжоу вздрогнул и, не разбирая дороги, метнулся в сторону. Деваться было некуда, и он позорно забился за пышную декоративную пальму в прихожей.

Следом за ним в гостиную влетели запыхавшийся отец, встревоженная мать и тот самый доктор с нацеленным шприцем.

— Что здесь происходит? — недоумённо поинтересовался директор Чэнь.

— Да ничего особенного, пустяки, — шумно дыша и держась за поясницу, выдавил Линь Ишань. — Простите за сцену. Оболтус этот разболелся, а укол делать ни в какую — удрал прямо из-под иглы.

Чжоу Цин чувствительно ткнула мужа локтем в бок. Тот осёкся, наконец заметив сидящих на диване почётных гостей, и густо покраснел от неловкости.

Изначально они планировали встретиться с директором Чэнем на нейтральной территории. Но утром у Линь Чжоу подскочила температура, и Чжоу Цин набрала директору, чтобы перенести встречу. Узнав о болезни парня, тот настоял на визите прямо к ним домой — заодно и навестить больного.

Кто же знал, что судьба столкнёт их с давними знакомыми?

Цзян Шиянь ведь рос вместе с Линь Чжоу и в школьные годы буквально прописался в их доме. И надо же было такому случиться...

Линь Ишань посмотрел на статного молодого человека у окна. На душе у старого отца скребли кошки.

— Сяо Чжоу, ну будь умником, дай доктору сделать укол, — ласково, как маленького,

уговаривала сына Чжоу Цин.

Линь Чжоу замотал головой так, что едва не съёс листья пальмы, после чего отчаянно зажестикублировал, указывая на аптечку и симулируя процесс глотания таблеток.

— Но укол подействует быстрее! Ты же совсем голос потерял, если температура поднимется ещё выше, станет только хуже, — не отступала мать.

Линь Чжоу оставался непреклонен.

— Упрямый баран! — вспыхнул Линь Ишань. — Давно ремня не получал?!

Заметив, как при этих словах нахмурился Цзян Цунжун, Чжоу Цин больно ущипнула мужа и метнула на него испепеляющий взгляд — мол, выбирай выражения при гостях.

Врач, решив разрядить обстановку, вздохнул:

— Ладно-ладно, раз такое дело, обойдёмся без крайних мер. Пусть выпьет таблетки и наклеит пластырь от жара. А ближе к вечеру я зайду проведать. Если температура не спадёт — тогда уж извините, придётся колоть. Идёт?

Линь Чжоу радостно закивал.

Конфликт был улажен. Чжоу Цин виновато улыбнулась гостям:

— Извините, что заставили вас стать свидетелями этого балагана.

— Что вы, ничего страшного, — поспешила успокоить её Ду Жо. — Сяо Чжоу нездоров, пусть сначала примет лекарства. Мы никуда не торопимся.

Линь Ишань напоследок шутливо погрозил сыну кулаком. Линь Чжоу в ответ соорудил рожицу и наконец выбрался из своего укрытия. Проходя мимо замершего у окна Цзян Шияня, он смерил его презрительным взглядом, демонстративно фыркнул и направился к матери.

Но не успел он сделать и трёх шагов, как чья-то железная рука бесцеремонно обхватила его за талию. В следующее мгновение мир вокруг перевернулся, и Линь Чжоу обнаружил, что висит вниз головой на чужом плече.

«Какого чёрта?!»

Он попытался заорать, но лишь зашёлся сухим кашлем. От ярости он принялся изо всех сил

колотить ногами по воздуху и барабанить кулаками по широкой спине похитителя.

— Будешь дёргаться — уроню, — холодно предупредил Цзян Шиянь и для убедительности качнул плечом, симулируя бросок.

Линь Чжоу от испуга мгновенно затих и вцепился в его пиджак.

— Сяо Янь, ты что творишь?! — вскрикнула Ду Жо. — Немедленно отпусти Чжоучжоу!

Даже на лице вечно невозмутимого Цзян Цунжуна отразилось крайнее изумление:

— Шиянь, что за манеры?

Проигнорировав замечания родителей, Цзян Шиянь уверенно подошёл к растерявшемуся врачу и протянул свободную руку:

— Давайте шприц.

— Э-э... — замялся доктор.

— Я умею. Всё будет в порядке, — ровным тоном отрезал Цзян Шиянь.

Врач спорить не стал и послушно вложил ему в ладонь готовый шприц вместе с медицинским саквояжем.

Перехватив ношу, Цзян Шиянь развернулся и решительно направился к спальне хозяев на первом этаже. Раньше Линь Чжоу частенько притаскивал его сюда, так что планировку дома он помнил отлично.

Ду Жо поспешила успокоить онемевших от шока хозяев дома:

— Вы не переживайте, Сяо Янь действительно умеет делать уколы. Наш дедушка признаёт только его лёгкую руку, другим врачам к себе притрагиваться не позволяет.

После этих слов супруги Линь заметно прибодрились.

Войдя в комнату, Цзян Шиянь пинком захлопнул дверь и без лишних церемоний сгрузил Линь Чжоу на кровать.

Оказавшись на свободе, тот мгновенно перекатился, сел и уставился на противника диким,

затравленным взглядом. Всем своим видом он показывал: «Только сунься — загрызу!»

Цзян Шиянь, сохраняя олимпийское спокойствие, поставил саквояж на постель и внимательно осмотрел шприц с готовым раствором.

Линь Чжоу запаниковал. Он судорожно пополз назад, к изголовью, силясь выразить своё возмущение, но из горла вырывалось лишь нечленораздельное хрипение.

Положив шприц на тумбочку, Цзян Шиянь пристально посмотрел на бунтовщика, после чего неторопливо снял пиджак и небрежно бросил его на кресло. Следом туда же отправились дорогие наручные часы.

«Да чтоб тебя...»

Когда Шиянь принялся засучивать рукава рубашки, у Линь Чжоу окончательно сдали нервы. Он попытался рвануть к выходу, но Цзян Шиянь среагировал мгновенно: повалил его поперёк кровати лицом в матрас и намертво прижал своим весом.

Линь Чжоу отчаянно брыкался, но его ноги тут же заблокировали сильными тисками.

— М-м-ф!.. — глухо завыл Линь Чжоу.

Ростом он обделён не был, но против стовосьмидесятисемисантиметрового Цзян Шияня, регулярно пропадавшего в спортзале, шансов у него не имелось никаких. Тем более сейчас, когда тело плавилось от жара, а голова раскалывалась.

Кое-как высвободив лицо из складок покрывала, он яростно уставился на Шияня.

Лежащий под ним парень тяжело дышал, его покрасневшие глаза блестели от злых слёз, а челюсти были крепко сжаты. В этом бессильном гневе сквозило что-то до безумия беззащитное.

У Цзян Шияня перехватило дыхание. Он поспешно отвёл взгляд и холодно произнёс:

— Советую не дёргаться. Если рука соскользнёт — придётся колоть заново.

«Только посмей!» — беззвучно, одними губами прорычал Линь Чжоу.

Но Цзян Шиянь даже не посмотрел на него. Одним уверенным движением он бесцеремонно стянул с него домашние штаны.

От внезапной прохлады Линь Чжоу передёрнуло. Затем кожу обжёг влажный спиртовой тампон. Невольное прикосновение пальцев Цзян Шияня заставило его мелко задрожать от нелепой смеси стыда и злости.

Не успел он до конца осознать весь позор ситуации, как ягодицу пронзила резкая боль.

Линь Чжоу мгновенно окоченел, а затем, словно сдувшийся воздушный шарик, бессильно уткнулся носом в подушку.

Он ненавидел уколы. Сама мысль о том, как металлическое остриё пробивает плоть, вызывала у него противный озноб.

Введя лекарство, Цзян Шиянь быстро извлёк иглу, прижал к ранке чистый ватный тампон и поднялся.

Линь Чжоу продолжал неподвижно лежать, уткнувшись в матрас.

Его кожа была поразительно бледной и нежной, точно дорогой шёлк. Поймав себя на воспоминании о мимолётном прикосновении к этой мягкости, Цзян Шиянь почувствовал, как к горлу подступает жар.

Отогнав неуместные мысли, он бросил быстрый взгляд на ватку — крови не было. Он аккуратно натянул на парня штаны, скрывая соблазнительное зрелище.

Пострадавший по-прежнему не подавал признаков жизни.

Цзян Шиянь негромко вздохнул. О паническом страхе Линь Чжоу перед иглами он знал не понаслышке. В школе во время любой плановой вакцинации Чжоу устраивал настоящие драмы. Шияню каждый раз приходилось буквально скручивать его, прижимая к себе, чтобы медсестра могла сделать прививку в плечо. После этого бедолага обычно превращался в безвольный кисель и ещё долго дулся на весь мир.

Цзян Шиянь наклонился, подхватил Линь Чжоу под поясницу и перевернул на спину. В глазах парня блестели злые слезинки.

Он пытался смотреть волком, но покрасневшие уголки глаз выдавали его беззащитность. Вид у него был донельзя обиженный.

Вздохнув, Цзян Шиянь протянул ладонь, чтобы проверить температуру, но Линь Чжоу дёрнул головой, уклоняясь от прикосновения. А затем беззвучно, одними губами принялся сыпать проклятиями:

«Цзян Шиянь, чтоб тебя черти драли...»

«Ублюдок...»

«Мерзавец...»

«Извращенец чёртот...»

«Тварь бесстыжая!»

Цзян Шиянь молча наблюдал за тем, как яростно шевелятся губы парня. Затем, не проронив ни слова, он спокойно надел пиджак, застегнул на запястье часы и повернулся к выходу.

Линь Чжоу, собрав последние силы, схватил подушку и слабо запустил её в спину уходящему врагу.

«Сука... Слышишь, Цзян Шиянь?! Я тебе это припомню! Если я не отомщу за свои штаны, то я не Линь Чжоу!»

<http://bllate.org/book/18995/1908105>